

А. М. Дубровский

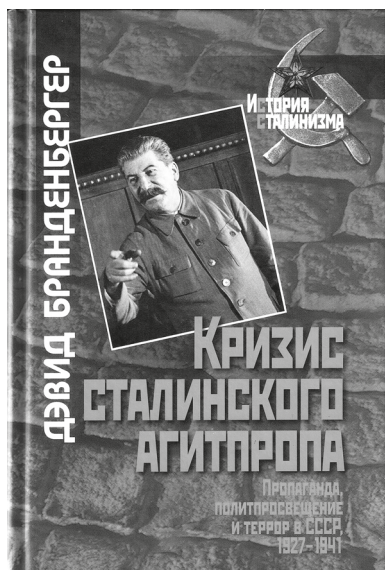
**Рецензия на книгу:
Бранденбергер Д. Кризис
сталинского агитпропа. Пропаганда,
политпросвещение и террор в СССР,
1927–1941**

В 2017 г. в серии «История сталинизма» издательство «РОССПЭН» выпустило книгу американского исследователя, профессора Ричмондского университета Д. Бранденбергера, посвященную истории идейного кризиса, пережитого пропагандистским аппаратом большевистской партии в 1930-х гг.¹

В течение многих лет Д. Бранденбергер успешно работает над историей массовой политической культуры в СССР. Он автор книги «Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956», сначала опубликованной в США, а позже переведенной на русский язык и изданной в 2009 г. в России. Кроме того, Д. Бранденбергер в сотрудничестве с М. В. Зеленовым подготовил к печати архивные материалы, освещающие процесс создания «Краткого курса истории ВКП(б)». Первый том этой работы вышел в свет в 2014 г., а второй еще ждет выхода. Рассматриваемая монография Д. Бранденбергера дополняет и развивает содержание первой и связана с обеими указанными работами общностью материала и идейным содержанием.

Историографическая ситуация сложилась так, что Д. Бранденбергер во многом является первопроходцем в исследуемой им области. Благодаря его работам в научный оборот вводится большое количество неопубликованных источников, наука обогащается множеством ранее

*Дубровский
Александр
Михайлович*
доктор исторических
наук, профессор,
Брянский
государственный
университет
им. академика
И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)

неизвестных фактов, новыми выводами, концептуальными построениями. Поэтому труды Д. Бранденбергера всегда интересны для читателя и вызывают отклик в современных исследованиях по истории СССР.

В основу новой книги американского ученого положен значительный массив опубликованных источников (это главным образом периодическая печать, справочная, учебная и общественно-политическая литература, изданная в СССР, партийные постановления по вопросам агитации и пропаганды, произведения художественной литературы, кинофильмы, письма, делопроизводственная документация). Историк представил интересный опыт использования художественных текстов и кинофильмов как исторических источников при изучении новой истории. Эта часть источниковой базы книги особенно важна, так как перечисленные выше

источники играли определяющую роль в пропаганде, были специально адресованы населению и потому достойны особого внимания.

В большой мере книга основана и на неопубликованных источниках, в основном делопроизводственных (наиболее надежных по достоверности), обнаруженных в Российском Государственном архиве социально-политической истории (основной архив для автора книги), Государственном архиве Российской Федерации, Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, Центральном государственном архиве историко-политических документов г. Санкт-Петербурга, Российском государственном военном архиве, Центре хранения документов молодежных организаций, Российском государственном архиве новейшей истории, Российском государственном архиве литературы и искусства и др. Один список архивов свидетельствует об огромном поиске, проведенном Д. Бранденбергером. Эта группа источников отражает в основном закулисную сторону событий, «кухню» агитпропа.

Автор также учел большой массив российской и зарубежной литературы. Примечания в тексте книги занимают более четверти ее объема — черта, достойная упоминания. Д. Бранденбергер рассматривает процесс развития пропаганды (политпросвещения) в трех аспектах: 1) разработка ее идейного содержания; 2) доведение политически актуальных идей до аудитории через разные каналы (от политкружков до художественных произведений); 3) восприятие содержания пропаганды населением страны. Действительно, если ограничиться только первыми двумя аспектами, то остается без ответа вопрос об эффективности работы партийных пропагандистов. А вопрос этот — главный, и ему историк совершенно справедливо посвящает большое внимание. Агитпроп в истолковании Д. Бранденбергера — не только собственно часть партийного аппарата, специализирующаяся на пропаганде, но и вся система политпросвещения, историческая и особенно

историко-партийная литература (исследовательская, научно-популярная и учебная), художественные произведения (романы и кинофильмы). Такой охват материала делает честь автору рассматриваемого труда, а его работа не может не привлечь внимания не только историков идеологии и пропаганды, но и специалистов по истории литературы, киноискусства и в целом культуры. К сожалению, Д. Бранденбергер не стал подробно рассматривать политический плакат и совершенно проигнорировал массовую песню (она же политическая), которая приобрела большую популярность в 1930-е гг., распространялась благодаря кинофильмам и радио, воздействуя на самые широкие слои населения страны. Отметим, что в песне 1930-х гг. тема патриотизма, прославления социалистической Родины была, пожалуй, одной из самых важных. Достаточно вспомнить такие строки, как «Широка страна моя родная», «Золотыми буквами мы пишем / Всенародный Сталинский Закон» (В. Лебедев-Кумач). В песнях складывался культ Сталина: «О Сталине мудром, родном и любимом / Прекрасную песню народы поют» (М. Инюшкин). Думается, в этой области имеются неиспользованные резервы для исследования агитпропа, общественного сознания, биографий создателей массовой культуры.

Исходная концептуальная идея книги — положение о том, что спустя 10 лет после прихода большевиков к власти их пропаганда терпела фиаско — об этом свидетельствуют события 1927 г. Военная тревога в тот год обнаружила нежелание народа защищать режим большевиков, что, кстати, хорошо освещено в отечественной исследовательской литературе². По мысли пропагандистов и идеологов, опасность нападения на СССР со стороны прежде всего Англии должна была сплотить население. Вместо этого, судя по исследованным Д. Бранденбергером сводкам ОГПУ, военный психоз вызвал волну раздора, антибольшевистских высказываний, пораженческих слухов, т. е. крайне нежелательную для власти реакцию народа. По мысли автора книги, идейный и политический крах вызвал энергичную деятельность по улучшению работы агитпропа.

Такая реконструкция хода событий представляется в значительной мере гипотетической. Зная циничное отношение власти к народу, особенно к крестьянству, можно усомниться в том, что результаты чекистских исследований общественных настроений серьезно волновали партийно-государственную верхушку. Наверняка говорить о последствиях этого неприятного и опасного для нее открытия можно было бы, если бы удалось найти в архивах директиву, которая критиковала бы состояние работы агитпропа и ссылалась бы на сведения, полученные НКВД. Однако подобным источником мы не располагаем.

Выскажем два соображения.

Первое. В отечественной литературе убедительно показано, что настроения населения были разными. В обстановке военного психоза 1927 г. взрослая часть населения боялась войны, люди 25–35 лет более смело относились к возможности войны, а молодежь и вовсе проявляла желание воевать. Молодые рабочие клинцовской фабрики им. Ногина требовали войны и выражали недовольство тем, что «наших бьют, а мы только митингуем, даешь войну!»³. Рабочие брянского мехартзавода (военное производство) стремились избежать войны и встать на защиту СССР только в крайнем случае, воспринимая войну как оборонительную, даже связывая ее с возвращением белогвардейцев⁴. Таким образом, можно

утверждать, что настроения народа были разными и не столь однозначными, как может представиться читателю книги. Думается, что исходный тезис работы нуждается в дополнительном обосновании.

Второе. Не менее правомерно, например, иное объяснение течения событий. Конец 1927 г. для руководства партии большевиков был ознаменован хлебозаготовительным кризисом, угрозой надвигающегося голода, из-за чего Сталину даже пришлось самому выехать в Сибирь. Столкнувшись с провалом хлебозаготовок, Сталин перешел к жестким (комбедовским) методам политики в деревне, в частности к исключению из партии местных руководителей, краткосрочным арестам, применению статей Уголовного кодекса к крестьянам и пр.⁵ Продолжением проведенной Сталиным кампании по решению хлебной проблемы стало выполнение его указания «развернуть вовсю, не жалея сил и средств, строительство колхозов и совхозов»⁶. Это была политика чрезвычайных мер, фактически отменявших нэп в деревне. К подобной политической линии примыкало сфальсифицированное Шахтинское дело, о котором было объявлено в марте 1928 г. (судебный процесс состоялся в мае). На апрельском пленуме ЦК партии были одобрены экстраординарные меры. Выступая перед активом московской парторганизации, Сталин заговорил об обострении борьбы «с кулачеством и другими капиталистическими элементами», о «кулацкой опасности», об «экономической интервенции западноевропейских антисоветских капиталистических организаций в дела нашей промышленности»⁷. В мае Сталин говорил на VIII съезде комсомола о том, что «наши классовые враги» «существуют, растут, пытаются выступать против советской власти»⁸.

Вероятно, определенное значение имело и то обстоятельство, что в указанное время началась первая пятилетка. В частности, она была ознаменована подъемом антирелигиозной пропаганды («пятилетка безбожия»). Рубеж 1920–1930-х гг. ознаменован свертыванием политики компромисса между коммунистическим курсом и «пережитками прошлого», ликвидацией нэпа. Видимо, по мысли людей власти, начало социалистического строительства должно было поддерживаться соответствующим воспитательно-образовательным воздействием на население. Это идейное воздействие должно было обеспечить трудовые успехи и выполнение пятилетнего плана.

В этой духовной атмосфере и было созвано в мае 1928 г. всесоюзное совещание по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства. Именно тогда, как могло представляться современникам, особенно необходимо было идейно вооружить проводников ужесточенной политики, отходившей от директивных документов XV съезда партии (декабрь 1927 г.). Обнаружение материалов, освещающих подготовку это совещания, могло бы пролить свет на предпосылки его созыва, однако нет уверенности, что такие материалы сохранились.

Д. Бранденбергер вполне ясно доказал, что основной недостаток партийной пропаганды 1920-х гг. заключался в том, что она была наполнена абстрактным материализмом, страдала схематизмом и в конечном счете оказалась неэффективной. Важно отметить, что в зарубежной литературе ранее отстаивалась противоположная точка зрения, говорящая о господстве большевистских идей благодаря усиленной пропаганде. Неудачу идейного воздействия на население страны Д. Бранденбергер видит в «слабости системы партийного агитпропа,

недостаточно высоком уровне образованности народа» («проблема сводится к образовательной подготовке»)⁹. Это объяснение вызывает сомнения. Не отрицая ни того ни другого обстоятельства, можно предположить, что дело в большей степени заключалось в ином. Обратим внимание на процитированные автором высказывания населения. «Они (коммунисты. — А. Д.) себя не оправдали», «диктатуры рабочих у нас нет», «этих гадов, которые сейчас пьют нашу кровь, в живых не оставим»¹⁰. Возьмем другие высказывания рабочих: «Сами сидим без хлеба, а наши партийцы кричат о достижениях», «советская власть не заботится о рабочих»¹¹. Думается, что неуспех партийной пропаганды коренился именно в этом недовольстве жизнью, в противоречии между тем, что «кричат партийцы», и безрадостной и трудной реальностью.

Кроме того, низкий образовательный и общекультурный уровень пропагандистов также приводил к отсутствию должного результата. Так, в 1923 г. на заседании пленума Орловского губкома партии председатель рассказывал об одном пропагандисте: «Лектор, член или руководитель ячейки, говорит, что сначала в обществе существовал матриархат, так было долго, много сотен лет, вплоть до тех пор, покуда появился на свет Маркс, ему существующий строй не понравился и он завел патриархат»¹². Случай анекдотический, но, думается, уровень пропагандистов конца 1920-х — начала 1930-х гг. недалеко поднялся над образованностью героя приведенного рассказа. Таким образом, можно указать на ряд обстоятельств, которые привели к низкой эффективности партийной пропаганды, и не ограничиваться соображением о ее абстрактном характере.

Как отмечалось выше, исключительно с информацией спецорганов о реакции народа на «военную тревогу» 1927 г. Д. Бранденбергер связывает дальнейшие меры, принятые партийной властью. После всесоюзного совещания по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства к 1929 г. ЦК партии принял около десятка постановлений о проведении в жизнь указаний совещания. Автор книги убедительно реконструировал динамичную картину появления этих постановлений — итог интенсивной работы агитпропа.

По мысли автора книги, важная мера со стороны партийной власти состояла в том, что теперь в центр внимания общественности и работы пропагандистов была поставлена история партии большевиков. Поворот к ее переработке был дан известным письмом Сталина. В этой переработке вроде бы видели выход из кризиса агитпропа. Нужно было путем изучения истории партии большевиков поднять политико-образовательный уровень населения страны. Д. Бранденбергер реконструировал трудный путь к созданию произведения по истории партии (это, безусловно, очень ценная часть работы). На конкретных фактах показана гиперполитизация истории партии, влияние убийства Кирова на ужесточение требований к пропагандистам, на изживание политической неграмотности.

Руководство агитпропа стало менять подачу официального курса. Необходимо было сделать его доступным и понятным, и решение этой задачи было найдено в пропаганде «полезного прошлого» из области послереволюционной истории и культа Сталина. В печати замелькали имена конкретных людей — героев Гражданской войны и социалистического строительства. Были выдвинуты идея защиты социалистического отечества, патриотизм. Историк показал, что

этот поворот от интернационализма к патриотизму было нелегко реализовать на практике, так как «старожилы агитпропа» с трудом усваивали новые идеи, ветераны партии даже протестовали против них. Между тем новая идеологическая волна вызывала понимание в народе, откликнувшись на знакомые духовные ценности. Успешное развитие новых веяний было прервано в 1936–1938 гг. репрессиями, которые вычеркнули из жизни (а следовательно, из пантеона воспеваемых героев) множество почитаемых личностей. Канули в небытие герои, а вместе с ними и целый пласт популярных книг, учебников, пьес, кинокартин.

Думается, последнее утверждение нужно уточнить. Была ли в самом деле «целая плеяда героев-патриотов» в общественном сознании? Знакомство с делами о реабилитации привело меня к выводу о том, что в 1930-х гг. в массе народа помнили четверых (а в основном двух первых) — Троцкого, Тухачевского, Блюхера, Уборевича (перечисляю в порядке значимости для общественной памяти в 1930-х гг.). Иных героев в разговорах, которые органами были сочтены за контрреволюционную агитацию, не обнаружено. И вряд ли использование культа исторических (дореволюционных) героев в 1930-х гг. было «поворотом в официальной идеологии, крайне неожиданным, паническим и зависящим от обстоятельств»¹³. Такое впечатление неожиданности может создаться при чтении газет 1930-х гг. Однако обращение к далекому прошлому, использование его ценностей (крепкого централизованного государства, любви к родине, почитания исторических героев — защитников государства и страны) началось не вдруг. В 1928 г. Сталин, выступая на пленуме ЦК партии, одобрительно отзывался о строительстве промышленности Петром Первым «для снабжения армии и усиления обороны страны»; в 1929 г. он заступился перед критиками за пьесу А. Н. Толстого о Петре под названием «На дыбе»; в 1931 г. в беседе с писателем Э. Людвигом он назвал Петра «Великим» в духе дореволюционных учебников истории и указал на то, что этот царь «немало сделал для создания и укрепления национального государства»; весной 1934 г. на заседании ЦК, отзываясь об имевшихся учебниках истории, он указал на выдающихся деятелей России Петра Первого и Екатерину Вторую; в 1934 г. были опубликованы первые две книги романа А. Н. Толстого «Петр Первый»; в 1935 г. пьеса А. Н. Толстого «Петр Первый» была поставлена в Ленинградском театре драмы им. А. С. Пушкина¹⁴. Все перечисленные события, за исключением последнего, произошли вовсе не накануне 1936–1938 гг. Кроме того, один из секторов агитпропа (в широком смысле этого слова) — историки — с 1934 г. усердно работали над новым текстом школьного учебника, в котором реабилитировалась старая Россия, ее герои, их военные подвиги во имя Родины. Таким образом, поворот в пропаганде не был таким уж неожиданным и тем более паническим. Идеология партии эволюционировала задолго до 1936–1938 гг. в силу ряда объективных условий. Истоки этой эволюции — в приходе к власти большевиков, в провале ожиданий мировой революции, в том, что СССР оказался не только первой, но и единственной в мире страной социализма в 1930-х гг. Эта эволюция идеологии, обобщая новейший политический опыт большевиков, готовила и изменения в пропаганде. От обстоятельств, сложившихся в указанные годы, зависел не сам поворот, не его идейное содержание, а ход его внедрения в массовое сознание.

С 1930-х гг. идеология партии сочетала в себе противоречивые элементы. Интернациональное, революционно-классовое соседствовало с патриотическим, национально-государственным. В разных политических ситуациях при решении того или иного вопроса в силу целесообразности на первый план выходило то одно, то другое. Думается, что в «Кратком курсе» составители не вернулись к покинутым схематизму и классовому подходу, как полагает Д. Бранденбергер, а использовали из имеющегося идейного арсенала то, что было практически и политически необходимо для марксистского (в сталинском понимании) революционного воспитания и образования масс. Для патриотического, имперски-государственнического воспитания история большевиков не имела таких оснований, как история страны.

При всей спорности некоторых положений, выдвинутых в книге и вызывающих раздумья (что важно для дальнейшей исследовательской работы), труд Д. Бранденбергера существенно расширяет и детально конкретизирует наши представления об идейной жизни советского общества в 1930-е гг., о деятельности партийного пропагандистского аппарата, о массовом сознании и массовой культуре населения СССР в 1930-е гг.

При реконструкции исторических событий и процессов Д. Бранденбергер дает читателю обобщенную картину. Это особенность его творческой манеры, которая проявляется и в других работах историка. Было бы важно в дальнейшем взглянуть в детали, в частности, осветить ход совещания 1928 г. по поводу составления пропаганды, показать деятельность видных работников агитпропа. В таком случае на сцену выйдут живые люди, быть может, выявятся различия в позициях, что, безусловно, было бы интересно и важно для получения многоаспектной картины жизни пропагандистского аппарата партии большевиков.

¹ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / авториз. пер. с англ. А. А. Пешкова, Е. С. Володиной. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с.

² См., напр.: Баранов А. В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятий. Вып. 4. М., 2007. С. 175–193; Брянецев М. В. Состояние ожидания войны и общественные настроения в 1927 г. // Studia internationalia: мат-лы III науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв. 2–4 июля 2014 г. Брянск, 2014. С. 273–281; Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008; Исянгулов Ш. Н. «Военная тревога» 1927 года и проблема военного обучения населения в системе ОСОВИАХИМа (на примере Башкирской АССР) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 10. (191). История. Вып. 39. С. 57–60; Кудюкина М. М. Война, которой не было: военная угроза 1927 г. // Homo Belli — человек войны в микроистории и истории повседневности. Нижний Новгород, 2000. С. 261–262; Нежинский Л. Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х — начале 30-х годов // История СССР. 1990. № 6. С. 14–30; Симонов Н. С. «Крепить оборону страны Советов» («Военная тревога» 1927 года и ее последствия). URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5875 (дата обращения: 20.06.2018).

³ Приводится по: Брянецев М. В. Состояние ожидания войны... С. 278.

⁴ Там же. С. 278–279.

⁵ См. об этом: Роговин В. З. Власть и оппозиция. М., 1993. С. 18.

⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 5.

⁷ Там же. С. 46, 51, 53.

- ⁸ Там же. С. 69.
- ⁹ *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа. С. 12, 32.
- ¹⁰ Там же. С. 29.
- ¹¹ Приводится по: *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 2008. С. 88.
- ¹² Приводится по: *Гончарова И. В.* Крестьянская повседневность Центрального Черноземья в 1920-х гг. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. Вып. 30. С. 368.
- ¹³ *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа. С. 14.
- ¹⁴ См. об этом: *Дубровский А. М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017. С. 70–71, 119, 150.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дубровский А. М. Рецензия на книгу: Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 771–778. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.316>

Сведения об авторе: Дубровский А. М. — доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского (Брянск, Россия); alexdubr48@mail.ru

FOR CITATION

Dubrovskiy A. M. 'Review on: Brandenberger D. Propaganda State in Crisis. Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, pp. 771–778. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.316>

Author: Dubrovskiy A. M. — Doctor in History, Professor, Bryansk State University (Bryansk, Russia); alexdubr48@mail.ru

References:

- Baranov A. V. "Voennaja trevoga" 1927 g. kak faktor politicheskikh nastroyenij v njepovskom obshchestve (po materialam Juga Rossii)', *Rossija i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovosprijatija*, Iss. 4 (Moscow, 2007).
- Brandenberger D. *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941*, (Moscow, 2017).
- Bryantsev M. V. 'Sostojanie ozhidaniya vojny i obshchestvennye nastroyeniya v 1927 g.', *Studia internationalia: mat-ly III nauch. konferencii "Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnoshenijah X–XX vv." 2–4 ijulja 2014 g.* (Bryansk, 2014).
- Dubrovskiy A. M. *Vlast i istoricheskaja mysl v SSSR (1930–50-e gg.)* (Moscow, 2017).
- Golubev A. V. "Esl' mir obrushitsja na nashu Respubliku": *Sovetskoe obshchestvo i vneshnjaja ugroza v 1920–1940-e gg.* (Moscow, 2008).
- Goncharova I. V. 'Krestyanskaja povsednevnost Tsentralnogo Chernozemija v 1920-kh gg.', *Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoj istorii*, Iss. 30, 2010.
- Isyangulov Sh. N. "Voennaja trevoga" 1927 goda i problema voennogo obuchenija naselenija v sisteme OSOVIAHIMA (na primere Bashkirskoy ASSR)', *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta*, no. 10 (191), Istorija, Iss. 39, 2009.
- Kudyukina M. M. 'Voyna, kotoroj ne bylo: voennaja ugroza 1927 g.', *Homo Belli — chelovek vojny v mikroistorii i istorii povsednevnosti* (Nizhnyj Novgorod, 2000).
- Nezhinskiy L. N. 'Byla li voennaja ugroza SSSR v konce 20-kh — nachale 30-kh godov', *Istorija SSSR*, no. 6, 1990.
- Osokina E. A. *Za fasadom "stalinskogo izobilija": Raspredelenie i rynek v snabzhenii naselenija v gody industrializacii, 1927–1941* (Moscow, 2008).
- Rogovin V. Z. *Vlast i oppozicija* (Moscow, 1993).